

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.01

А.В. Шубин

ОТ ВЛАСТИ СОВЕТОВ К ПАРТОКРАТИИ

***Аннотация.** В статье анализируется эволюция Советов рабочих, солдатских (красноармейских) и крестьянских депутатов в конце 1917–1918 гг., когда они были основной властью на местах. Автор показывает, каким образом Советы прошли путь от органов, которые имели широкую самостоятельность и внутренний плюрализм, до политически монолитных подразделений централизованной партийно-государственной иерархии.*

***Ключевые слова:** Советы; Совет народных комиссаров; большевики; меньшевики; эсеры; продовольственная диктатура; Гражданская война.*

Шубин Александр Владленович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук.

A.V. Shubin. From the Power of the Soviets to the Power of the Party

***Abstract.** The article analyzes the evolution of the Soviets of workers, soldiers and peasants deputies at the end of 1917–1918, when they were the main power on the ground. The author shows how the Soviets went from bodies that had wide independence and internal pluralism to politically monolithic units of the centralized party-state hierarchy.*

***Keywords:** Soviets; Council of people's Commissars; Bolsheviks; Mensheviks; Esers; food dictatorship; civil war.*

Shubin Alexander Vladlenovich – Doctor of History, Chief Researcher of the Institute of Universal History of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian State University for the Humanities and the State Academic University of the Humanities.

Советы, возникшие в России в революционной обстановке 1905 и 1917 гг., дали наименование целой исторической эпохе и стали символом борьбы с капитализмом по всему свету. В таких работах, как «Апрельские

тезисы», «Государство и революция», «Тезисы об Учредительном собрании» и др., В. Ленин объявил Советы принципиальной альтернативой «буржуазным» государственным системам – как авторитарным, так и парламентским. Это отношение предопределило апологетическое отношение к Советам в советской историографии, которая рассматривала их в неразрывном единстве с коммунистической партией, сосредоточивая внимание на политике последней. Другие идейные течения и партии в советах воспринимались как нечто инородное, им органически не присущее, а отклонение от заданного компартией идеала – как ошибочные тенденции (например, «местнические»), которые следовало поправить для того, чтобы Советы развивались по единственно верному пути и «стали постоянной и единственной основой государственной власти, формой организации авангарда трудящихся» [7, с. 141]. Этот подход отчасти сохраняется и в современных исследованиях, свободных от марксистско-ленинских догм, но не от идеологем вообще. Власть Советов нередко отождествляется с Советской властью, а это – не одно и то же.

Советы берут власть

Одним из первых решений Советской власти, принятых на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в октябрьские дни 1917 г., была передача власти на местах Советам. Первоначально у Советов не было ни структур, ни кадров, чтобы заменить собой местные органы самоуправления – земства, городские думы и их управы. Поэтому временно было решено даже расширить полномочия городского самоуправления [1, с. 278–279]. Советы должны были пока осуществлять контрольные функции, быть представителями верховной Советской власти. Но значительная часть муниципалитетов не признавала Советскую власть и ее решения. Муниципалитеты руководили городским хозяйством прежними методами, игнорируя Советы.

Однако для ведения городского хозяйства нужны были средства. 18 декабря Совет народных комиссаров выделил на муниципальные нужды 200 млн руб. займов [1, с. 279]. Они шли через Советы, что способствовало налаживанию их отношений с муниципалитетами. Но до Учредительного собрания те думы, где у большевиков не было большинства, продолжали отстаивать свою самостоятельность по отношению к Советам.

18 ноября СНК предоставил Советам право распускать городские думы. При этом Советы должны были решать сами, в зависимости от готовности взять в свои руки хозяйство, решать, когда это лучше сделать. Но был и другой мотив распустить думу и управу – их неуступчивость. Так что Советы могли пойти на разгон надоевшего муниципалитета, который справлялся с делами лучше, чем потом Совет.

16 ноября была распущена Петроградская дума. Но 27–28 ноября были проведены перевыборы Думы. Социалисты и кадеты их бойкотировали, так что состав оказался просоветским. Формально Дума просуществовала до весны 1918 г., действуя под контролем Петросовета. Когда распускались районные думы, управы сохранялись, преобразуясь в отделы Советов. Чиновникам предстояло решить – будут ли они работать на Советы, это для многих было единственным способом прокормиться. В основном роспуск дум проходил в январе–апреле 1918 г. и к началу широкомасштабной Гражданской войны был практически завершен [1, с. 280–282].

Переходя к управленческой деятельности, Советы формировали структуры управления городской жизнью. В московских районных Советах возникли такие подразделения, как управление делами, отдел народного образования, административный отдел, отдел социального обеспечения, отдел труда, отдел рабочего контроля, финансово-контрольный отдел, жилищно-земельный, хозяйственный, транспортный, медицинско-санитарные отделы, продовольственная артель, агитационный отдел, бухгалтерия. Даже в районных Советах появились свои чрезвычайные комиссии и военные комиссариаты. В работе отделов участвовали сами депутаты. Время от времени собирались пленумы Совета, на которых иногда вспыхивали острые дискуссии по практическим вопросам, так как депутаты были вовлечены в решение дел отделами. Между пленумами решения принимал исполком и его президиум. Пока структура Советов еще не выстроилась настолько, чтобы взять на себя городскую рутину, они пытались решать экстренные вопросы, такие как поиски продовольствия (наряду со старыми продовольственными управами) и борьба с ростом цен («спекуляцией») [19, с. 4].

Советы выстраивались в иерархию, в которой границы компетенции каждого уровня были неясны. Но серьезных конфликтов пока не было – считалось, что все Советы делают общее дело, и им нечего делить. Многие местные Советы создавались «сверху» губернскими и уездными: система Советов теперь должна была стать всеобщей, проникнуть в каждый городской район и сельскую волость, в том числе и туда, где в 1917 г. массы не создали Совет.

Региональные советские органы, иногда объединявшие несколько губерний (Московский областной и Уральский Совет, Облискомзап, Центросибирь), создавали автономные государственные структуры в составе Российской Советской Республики. Они могли создавать свои Совнаркомы, проводившие политику в направлении собственного понимания исходивших из Петрограда общих указаний.

В первые месяцы Советской власти вмешательство центральных органов в деятельность местных Советов было незначительным. Связь центра с Советами на местах осуществляли Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и иногородний отдел ВЦИК, где под общим руководством

Я. Свердлов активно работал левый эсер нарком В. Алгасов. Отдел принимал и инструктировал «ходовиков» с мест, на места рассылал литературу и тысячи комиссаров и инструкторов, которые в меру своего понимания отвечали на вопросы местных активистов о том, как организовать новую жизнь.

Лишь к концу декабря было выработано понимание, как должна строиться целостная система Советов. Оно было изложено в обращении наркома внутренних дел Г. Петровского «Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов» 24 декабря 1917 г. Петровский указывал, что все старые органы власти должны быть заменены Советами соответствующего уровня. «Вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собой. Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит. Таким путем создается связный, во всех своих частях однородный организм – Республика Советов» [5, с. 634]. Эта картина не проясняла, однако, то, каким образом будет разделяться компетенция «вполне автономных» Советов и как станут разрешаться их противоречия.

Петровский указывал, что «при таком способе организации власти, естественно, само собой падает институт назначаемых сверху комиссаров. Он сохраняется временно, как переходная форма, лишь в тех случаях, когда на месте не успела еще создаться соответствующая советская организация, или если существующая не признает полноты Советской власти. Но в таком случае первой и самой важной задачей назначенного комиссара является создание советской организации, которой он и должен передать аппарат местного управления. При этом уездные и волостные комиссары должны избираться центральной властью» [5, с. 634–635].

Таким образом, подтверждалось, что советская система является ограниченной демократией – демократией только для просоветского актива. Условием возвращения от авторитарного выстраивания властных структур, получившего позднее название «комиссародержавия», к власти Советов являлось признание Советской власти Советом и авторитета Совета – населением.

Крупные Советы должны были руководить становлением местных и следить, чтобы в них не проникали кулаки. Советы получали право решать вопросы изменения административного деления, и региональные центры должны были перемещаться туда, где сильнее развита Советская власть, т.е. крупные промышленные центры [5, с. 635].

Казалось бы, после скорого преодоления временного комиссародержавия на местах советская система должна была превратиться в сеть автономных Советов и их федераций, лишь слегка регулируемую компактной государ-

ственной надстройкой. Но в обращении Петровского было заложено централизаторское начало: «Народному комиссариату по внутренним делам надлежит объединить деятельность всех органов управления на местах, каковыми теперь являются Советы. Без такой связи Советская власть никогда не сольется в то стройное целое, которое одно в состоянии обеспечить ей наибольшую устойчивость» [5, с. 636].

«Обращение» дополнялось инструкцией, в соответствии с которой к Советам переходили функции проведения в жизнь решений центральной Советской власти, права реквизиций, конфискации, наложения штрафов, закрытия контрреволюционной прессы, производства арестов и роспуска общественных организаций, т.е. в основном репрессивные функции. Советы должны были представить в центр информацию о своей деятельности и сметы для получения финансирования. Этой же инструкцией принималось важное решение об упразднении ВРК на местах [5, с. 637]. Оно проводилось постепенно, и в отдельных местах ВРК сохранялись еще в марте 1918 г.

Таким образом, в конце 1917 г. концепция советского строительства предполагала широкую демократию для советского актива, форму ограниченной демократии. Но в отличие от парламентско-президентской системы, которую обычно называют «демократией», советская система в конце 1917 г. не была элитократией. Она была основана на высокой вертикальной мобильности, черпая кадры и мнения с нижних этажей социальной иерархии. Однако принятие решений многочисленными форумами просоветского актива (с небольшим присутствием актива несоветского) оказалось не лучшим способом принятия решений с точки зрения эффективности. Большие форумы подвержены манипуляции со стороны трибуны и президиума, но если делегаты все же берутся выработать решения, а не принимать предложенные партийными центрами проекты, то дело движется крайне медленно. Тем более – в отсутствие навыков работы. Советская система становилась перед выбором: либо создание более компактных Советов, на каждом уровне представленных делегатами нижестоящих организаций и выполняющих их волю, либо превращение Советов в совещательные органы при управленческой вертикали Совнаркома, поглощающей аппарат Советов. Эта альтернатива проявит себя весной 1918 г. в условиях острого социального кризиса.

Советы считали себя плоть от плоти рабочих и крестьян. Однако в действительности в деятельность Советов и общественных организаций, по данным СНХ Северной области, к 1 апреля 1918 г. были непосредственно вовлечены только 1,84% рабочих [3, с. 42]. Это значит, что рабочий класс, время от времени голосуя на выборах в Совет, был занят проблемами своей семьи и своего предприятия, а более широкий круг вопросов «пролетарской власти» решали активисты, фактически ушедшие с предприятий на советскую административную работу.

Внутри Советов власть концентрировалась в исполкомах. Рядовые депутаты могли участвовать в обсуждениях общих вопросов или в выработке проектов решений в отделах и комиссиях, но окончательные решения принимались исполкомом или даже его президиумом. Само по себе это не противоречит принципам демократии при условии, если бы рабочие могли в любой момент заменить представляющего их депутата, а депутаты держали бы под контролем исполнительные органы Совета. В теории преимущество Советов как раз и должно было заключаться в реальном праве отзыва депутатов и нераздельности представительной и полностью подчиненной ей исполнительной власти. Но это – в теории.

Членам исполкомов, как правило не имевшим управленческого опыта, приходилось теперь решать самые разнообразные вопросы, превышающие сферу компетенции дореволюционной администрации. Они определяли и порядок выдачи продовольственных пайков, и возможность проведения религиозных собраний, и правила обысков и арестов, и даже разбирали инциденты с хулиганами в учебном заведении – десятки пунктов повестки дня ежедневно (см., например, протоколы заседания исполкома Богородского Совета рабочих и солдатских депутатов в феврале-марте 1918 г.) [20, л. 11–16].

При такой широкой компетенции и низкой компетентности, высокой интенсивности работы и отсутствии времени на изучение решаемой проблемы качество работы Советов было невысоким. Зато депутаты, большинство из которых были выходцами из низов, непосредственно знали жизнь, которой пытались управлять, и надеялись на поддержку населения в осуществлении своих начинаний. Но выяснилось, что трудовые массы были вовсе не едины, и между территориальными Советами стали разрастаться конфликты.

Из-за конкуренции Советов в борьбе за ресурсы возникла неразбериха, о которой говорилось, в частности, на заседаниях уполномоченных рабочих Петрограда: «Большевики передали право закупок и продажи местным Советам. Один Совет покупает, а другой запрещает к вывозу купленное» [14, с. 229]. Тульские большевики перехватывали грузы, предназначенные для Новгородской губернии и ставили себе это в заслугу перед тульскими рабочими [14, с. 337].

Советы старались не выпускать ресурсы из своих рук. Бюллетень ВСНХ от 13 мая сообщал: «Исполнительный комитет лесозаготовочного союза телеграммой от 22 апреля извещает, что местные Совдепы продолжают арестовывать заготовителей, накладывать налоги и конфисковывать топливо и лесные материалы, предназначенные для железных дорог, фабрик и заводов» [21, л. 87].

Острый конфликт разгорелся в мае между Ржевом и Тверью. На заседании исполкома Ржевского Совета 10–11 мая говорилось, что Тверь захватила 20 вагонов, предназначенных для Ржевского уезда. Поскольку Ржев входил

в состав Тверской губернии, это был акт произвола со стороны вышестоящих властей. Но ржевцы не были намерены с этим мириться, и член исполкома товарищ Тимофеев предложил отделиться от Твери. Товарищ Суворов возразил ему, что ржевский исполком на это не полномочен без уездного съезда (т.е. сама возможность такого сепаратизма не исключалась). Председатель исполкома товарищ Алексеев подытожил, что пока нужно требовать свои вагоны у Твери, жаловаться в Москву и ждать реакции центра. Решили направить в Москву делегацию и требовать, чтобы грузы шли в Ржев, минуя Тверь. А «если в спешном порядке центральная власть не примет меры к устранению игнорирования Ржева Тверью, исполком снимает с себя ответственность за возможные анархистские выступления против Твери из-за несправедливого распределения вагонов хлеба на ржевский уезд» [22, л. 23–24 об.]. Для того чтобы заручиться поддержкой в борьбе против тверских властей, Ржевский исполком в мае созвал уездный съезд [22, л. 26].

Таким образом, образовался замкнутый круг, когда Советы вступали в борьбу за ресурсы, прежде всего продовольственные, и это в свою очередь вело к дезорганизации снабжения, дальнейшему нарастанию продовольственного кризиса. Это не было его причиной, но усугубляло ситуацию. До середины 1918 г. советская система была «не достроена», в ней не было единых принципов организации, зато быстро накапливались противоречия между разными уровнями власти и территориями. Весной 1918 г. пора было делать выбор – или каждый Совет получил свою ясно очерченную сферу компетенции, в рамках которой даже Совнарком должен с ним договариваться, или структуры всех Советов должны быть твердо подчинены общей иерархии с центром в Совнаркоме, и от советской демократии придется отказаться. Второе решение было логичным продолжением борьбы коммунистов за монополию на власть. Но из-за отказа от демократических механизмов происходило дальнейшее сужение социальной опоры Советской власти.

Борьба за коммунистическую монополию в Советах

В условиях социально-экономических трудностей, которые контрастировали с популистскими обещаниями большевиков осени 1917 г., перед коммунистической партией встала угроза потери большинства в Советах, особенно в голодающих городах.

В марте – начале апреля прошли перевыборы в Ярославский Совет. На 47 меньшевиков и 13 эсеров приходилось 36 большевиков. Образовался «анти-советский» Совет, нелояльный Советской власти. 9 апреля первое заседание нового Совета было разогнано красной гвардией. В городе началась забастовка протеста. Рабочие захватили на станции оружие, но не воспользовались им против большевиков. Лидеры эсеров и меньшевиков были арестованы.

18 апреля состоялся суд, который, возмущив подсудимых многочисленными нарушениями процедуры, приговорил их к общественному порицанию, а лидер меньшевиков И. Шлейфер был выслан на год из губернии [14, с. 392–397]. Однако разгон неугодного Совета в Ярославле сделал положение большевиков в городе очень шатким. Для того чтобы победить на следующих выборах, они лишили представительства ярославских железнодорожников. Эти события сказались на настроениях рабочих в преддверии восстания в Ярославле 6 июля 1918 г.

В марте в ходе перевыборов Сормовского Совета большевики получили 15 мест, левые эсеры и максималисты – по одному мандату, эсеры – 13 (по другим данным 19), меньшевики – семь, беспартийным депутатом оказался один человек. Потеряв большинство, большевики, левый эсер и максималист покинули Совет и создали Сормовское бюро Нижегородского Совета, провозгласившее себя представителем Советской власти в Сормове. В связи с этой ситуацией Лениным и Свердловым в Нижний Новгород был направлен Ф. Раскольников, который собрал совещание просоветских депутатов Нижегородской губернии и Сормова. Они решили, что власть должна принадлежать той части Совета, который стоит на платформе Советской власти. Власть Совета таким образом была заменена Советской властью как противоположным принципом. Об этом было заявлено на заседании Совета, куда явились представители просоветского актива. На этом собрании было решено, что большевики, левый эсер и максималист «берут на себя власть», потому что эсеры и меньшевики этого сделать не могут, не признавая сам принцип Советской власти. А большинство Совета, не согласное с необходимостью брать власть, может заниматься «вопросами профессионального, экономического и культурно-просветительного характера» [12, с. 97–98; 24, с. 193]. В дальнейшем социалистическая часть Сормовского Совета стала одним из центров движения уполномоченных, о котором речь пойдет ниже.

После того как социалисты (эсеры и меньшевики) 21–25 апреля победили на выборах в Костроме, большевики заявили, что не отдадут власть «контрреволюции», т.е. новому большинству Совета. 23 мая социалисты провели массовую демонстрацию под лозунгом «Долой Советскую власть и хлебную монополию!» Произошли столкновения. В ответ было введено чрезвычайное положение, а большевистско-левоэсеровская фракция Совета решила, что он может работать и без депутатов-социалистов, т.е. без большинства [12, с. 92–93].

2 мая Саратовский Совет решил не допускать на заседания депутатов, не признающих Советской власти. 18 мая Совнарком Калужской советской республики принял решение, в соответствии с которым «граждан, позволяющих себе противоправительственные, хотя бы словесные, выступления, исключать из всех списков и лишить тех возможности занимать должности... во всех

правительственных организациях. Или же, смотря по силе выступления и по его контрреволюционному размеру, арестовывать на месте, хотя бы выступление произошло на разрешенном собрании и хотя бы выступивший гражданин был делегат» [2, с. 126]. Таким образом, исполком исключал оппозиционные выступления на любых собраниях и съездах.

После победы социалистов на выборах в Златоустовский Совет были восстановлены гордума и управа, а Совет от власти отказался. Также большевики проиграли выборы в Вязниках, Касимове, Брянске, Бежеце, Макеевке, Ростове, Уфе, Ижевске [14, с. 530]. Но все же на карте страны это были точки, иногда важные, но не преобладавшие. Разбольшевизация Советов шла медленно и встречала ожесточенное силовое сопротивление большевиков – пока без террора, но уже с существенными репрессиями. Разгоняя неугодные Советы, большевики в этих пунктах теряли связь с рабочими и крестьянами, вызывали возмущение актива трудящихся. Всё меньше рабочих, не говоря уж о крестьянах, были лояльны Советской власти, все больше мечтали «посчитаться» с ней при случае.

Когда началась широкомасштабная гражданская война, рабочие Урала приняли активное участие в восстаниях против большевиков, крупнейшим из которых стало Ижевско-Воткинское.

14 июня ВЦИК голосами большевиков против левых эсеров принял решение об исключении из Советов эсеров и меньшевиков на том основании, что они участвуют в организации вооруженных выступлений «против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами» [4, с. 431]. Это решение готовилось с первых чисел июня – еще до образования Комуча, созданного эсерами. Роль партийных структур эсеров и особенно меньшевиков в начавшемся чехословацком выступлении была еще не ясна, так что причиной исключения были не действия социалистов, а сама обстановка гражданской войны.

16 июня Ю. Мартов писал А. Штейну: «Изгнанием нас из Советов уничтожается, собственно, вся почва “советской конституции”, ибо Советы перестают быть представительством всех рабочих, а там, где наши в больш[инст]ве, упраздняются и самые Советы. Этим решением лишь обобщается процесс, происходящий повсюду в течение последних месяцев. Повсюду рабочие требуют перевыбора Советов, избранных перед Октябрь[ским] переворотом. Советы упорно сопротивляются этому требованию и часто в борьбе из-за этого вопроса дело доходит до забастовок рабочих и разгона их демонстраций вооруж[енной] силой (Тула, Ярославль и др[угие] м[еста]). Кое-где рабочие добивались перевыборов, которые везде дали либо усиление оппозиции, либо переход Советов вновь к м[еньшевикам] и эсерам. И тогда почти повсюду либо Советы разогнаны вооруженной силой от имени “военно-

революционных комитетов”, либо из Советов изгнана усилившаяся оппозиция, как “контрреволюционная”» [14, с. 547–548].

Даже часть большевиков была против исключения социалистов из Советов. Видный московский коммунистический лидер П. Смидович говорил на Московской городской конференции РКП (б) 22 июня: «Мы всегда выдвигали отличительную черту Советов – возможность свободных перевыборов, раз этого нет, где же отличительная черта советской власти[?]. Исключением рабочих из Совета вы сплачиваете меньшевиков и с.-р. Из Совета вы их не изгоните, они пройдут под флагом беспартийных. Но Советом это уже не будет» [14, с. 587].

Большевикам, особенно умеренным, было важно показать, что они по-прежнему могут говорить от имени избирающих их масс трудящихся. Но теперь выборы становились все более формальными, так как в них исключалось соревнование позиций.

Последние крупные конкурентные выборы Совета прошли в Петрограде 18–20 июня. Руководство Петросовета во главе с Г. Зиновьевым отказалось от принципа, когда рабочие в любое время могли отозвать и переизбрать своего депутата. Теперь выборы проходили одновременно и сопровождались общегородской предвыборной кампанией.

Чувствуя себя неуверенно в условиях разочарования рабочих результатами их политики, большевики подстраховались, зарезервировав места не только для предприятий (в том числе уже закрытых) и воинских частей (в том числе демобилизованных), но и для профсоюзных комитетов и райсоветов, которые в это время не переизбирались, и где у коммунистов было большинство, полученное в других исторических условиях. Депутаты избирались также от остановленных предприятий, коллективы которых распались, но остались старые завкомы. В своей декларации депутаты-социалисты утверждали, что избирательная инструкция была составлена большевиками в пользу «мертвых душ» так, что «больш[евистский] чиновник получал в 500 раз больше избир[ательных] прав, чем работающий на заводе рабочий» [14, с. 359].

Как пишет симпатизирующий большевикам канадский исследователь Д. Мандель, «подвести итоги этих выборов – непростое дело, так как кроме рабочих и солдат право голоса получили организации. Совету профсоюзов Петрограда была отведена квота – один депутат от 5000 членов; отдельные профсоюзы с более чем 2000 членов избирали по два депутата; мелкие профсоюзы по одному. В целом профсоюзы избрали 144 депутата. Районные Советы избирали по три депутата, фабрично-заводские комитеты на закрытых предприятиях, где до закрытия были заняты 1000 и более рабочих, могли избрать одного депутата. Словом, было немало мертвых душ». Рабочие действующих предприятий избрали 262 депутата (что соответствует норме пред-

ставительства в 300–500 рабочих на депутата при общем количестве рабочих в 143 тыс.) [6, с. 506]. По официальным данным, от работающих предприятий были избраны 127 большевиков (48,5%), 32 левых эсера (12,2), 29 меньшевиков (11,1), 46 эсеров (17,6), 28 беспартийных (10,7%) [6, с. 508]. Например, на Путиловском заводе были избраны 11 большевиков, пять левых эсеров, девять социалистов и один беспартийный [6, с. 507].

Как рассказывал петроградский депутат-социалист Д. Захаров, «ряд предвыбор[ных] собраний показал, что масса запугана б[ольшевиками], но если она видит сильную оппозицию, она пойдет за нею. Мы прошли на Путиловском, Обуховском [заводах], [заводе] Арсенал, в трамвайных парках, типографиях и других заводах» [14, с. 457].

Но значительная часть рабочих продолжала голосовать за большевиков – кто-то искренне поддерживая, а кто-то опасаясь, что оппозиционные заводы не получат заказов от государства, и предприятие остановится. Как говорилось на заседании оппозиционных большевикам рабочих активистов Петрограда, лидер петроградских большевиков «...Зиновьев потому и существует, что его рабочие поддерживают» [14, с. 201].

Социалистической оппозиции было трудно использовать трибуну Петровета для агитации. Д. Захаров рассказывал: «Нам не дают слова в Совете... Они пока терпят нас потому, что мы прошли от крупных заводов» [14, с. 457].

Июньские выборы стали переломными. Сама агитация, несмотря на наличие нарушений, все же требовала от режима умения пользоваться демократическими инструментами, убеждать, а не принуждать к голосованию за правящую партию. Несмотря на развернувшуюся широкомасштабную гражданскую войну и принятие 14 июня декрета об исключении эсеров и меньшевиков из Советов, оппозиционная социалистическая агитация на петроградских выборах разрешалась, и кандидаты от социалистических партий не были сняты с гонки. А вот после победы на выборах большевики решили, что церемониться уже нет смысла. С июля оппозиция в Петрограде действовала на заводах фактически нелегально [3, с. 142].

Коммунисты с трудом сохраняли влияние в городах, но не смогли заручиться достаточной поддержкой советского актива деревни. Коммунисты вообще не доверяли деревне и следили, чтобы пролетариат имел преимущество над крестьянством в советской системе. Конструкция объединенных Советов, создававшихся после III съезда Советов, давала преимущество солдатам над рабочими и рабочим над крестьянами. Например, Ржевский уездный съезд имел норму представительства шесть депутатов от волости, один депутат от 200–300 рабочих, до 500 рабочих – два, до 1000 – четыре, до 3000 – восемь. Красноармейцы – до 200 солдат – один, до 300 – два, до 500 – четыре [22, л. 26].

Раздел помещичьей земли повышал авторитет «партии власти». Но введение продовольственной диктатуры в мае стало менять соотношение сил в пользу левых эсеров. Партийный состав уездных Советов (по подсчетам Л.М. Спирина, данные 105 Советов) включал в марте 66% большевиков и 18,9% левых эсеров, а в апреле–августе – 44,8% большевиков и 23,1% левых эсеров [17, с. 174]. Это значит, что в апреле–июне положение для большевиков было еще хуже, потому в июле–августе левых эсеров уже вычищали из Советов.

Левые эсеры надеялись, что кризис политики большевиков позволит ПЛСР обогнать РКП (б) по влиянию в Советах. В Тверской губернии число левоэсеровских делегатов губернского съезда Советов выросло с 17 до 51. Аналогичная ситуация наблюдалась в Тульской и Рязанской губерниях. Все это, по расчетам части левых эсеров, должно было заставить большевиков восстановить советскую коалицию уже на левоэсеровских условиях. Как говорил И. Штейнберг, «мы партия, идущая к власти, которая вскорости будет гегемоном власти, поскольку в России суждено оставаться Советской власти. Но это не значит, что она будет единственной властью и только в коалиции с большевиками она будет гегемоном» [8, с. 377].

Левые эсеры пытались использовать выборы делегатов на V съезд Советов для своего возвращения к власти. Но выиграть эти выборы левые эсеры не могли. Квоты представительства для рабочих были выше, чем для «менее сознательных» крестьян – один делегат от 25 тыс. рабочих и два – от уезда. Из 47 губернских и областных городов ПЛСР победила только в четырех. По данным Наркомата внутренних дел, накануне съезда в 21 губернском исполкоме большевики располагали 70,4% мест, левые эсеры – 26,3, а другие партии – 3,3%. В 47 уездных исполкомах большевики имели 52,4%, а левые эсеры – 34,6% [16, с. 131, 210].

Летом в целом в Советской России левые эсеры имели около трети голосов в Советах. Так что шанс получить большинство на V съезде Советов был ничтожным. Динамика у левых эсеров была положительной: в марте–июне представительство ПЛСР выросло на 11,5%, а у большевиков упало на 7,5% [9, с. 10]. Это давало надежды на VI съезд, если бы Советская республика развивалась по тем же правилам, что и в первой половине года (а это уже с мая стало маловероятным).

Из-за конфликтов с большевиками левые эсеры уходили в знак протеста или выдавливались из исполкомов. При выдвижении делегатов на V съезд Советов это сыграло с левыми эсерами злую шутку, так как во многих случаях делегации направлял не местный съезд Советов, а именно исполком. Система выборов в таких случаях была мажоритарной, при которой победитель получает все. Левые эсеры по понятным причинам настаивали на пропорциональном представительстве, так как обычно были в губернских и уездных Советах

в меньшинстве. Но даже при идеальном пропорциональном представительстве они не могли рассчитывать на большинство. В V съезде Советов участвовали 1559 делегатов, из которых 1155 – имели решающий голос (статус 61 – неясен). С решающим голосом коммунистов было 694 и 50 сочувствующих (около 65%) против 317 и 42 сочувствующих у левых эсеров (около 31%) [7, с. 404]. В работе съезда участвовали также 14 максималистов, четыре анархиста, четыре меньшевика-интернационалиста, по одному представителю Поалей-Цион, дашнаков, эсеров, а также десять беспартийных. Но их значение было невелико.

По итоговым данным, в центрально-промышленной области соотношение делегатов большевиков и левых эсеров было 71,4% на 26,3%, от Северной области – 65% на 32,5, в Западной – 71% на 23,5, а вот от Поволжья – 48,5% на 45% [16, с. 221–223].

Левые эсеры оспорили 399 большевистских мандатов и признали бесспорными 350 [9, с. 31]. Часть оспоренных большевистских мандатов – это делегаты, направленные исполкомами, а не съездами. Но если бы выборы происходили по принципам, за которые выступали левые эсеры, только часть этого числа досталась бы левым эсерам, а большинство – все равно большевикам.

В разгар V съезда 6 июля произошло выступление левых эсеров, которое обернулось катастрофой для ПЛСР. В результате большевики получили возможность самостоятельно решать, кого пускать на съезд Советов, а кого нет, и в каком количестве. Практика фактического назначения состава Советов к концу года возобладала и на местах.

В условиях широкомасштабной гражданской войны в городах и на губернском уровне создавались революционные комитеты, которые действовали отдельно от Советов – к Советам теперь полного доверия не было. Ревкомы создавались коммунистическими парторганизациями (иногда в сотрудничестве с левыми эсерами, анархистами и максималистами) в прифронтной полосе или в районах восстаний. 31 мая был создан Симбирский ревком, 11 июля – Ярославский, 1 августа – Казанский, 10 августа – Нижегородский. В сентябре-октябре, когда фронт ушел на восток, они были ликвидированы, и власть вернулась к Советам, где большинство было гарантировано коммунистам, так как представители эсеров и меньшевиков в Советы до ноября 1918 г. не допускались, а левые эсеры допускались со многими ограничениями. В 1919–1920 гг. меньшевики допускались в Советы, но также под строгим контролем. Была установлена монополия коммунистов на большинство в Советах.

Внутрикоммунистические конфликты

Победив своих противников в Советах, большевики иногда вступали в борьбу между собой. Рассмотрим здесь внутрисоветский конфликт, который произошел в Калужской советской республике в апреле 1918 г. Напряженность между сторонниками председателя Совнаркома П. Витолина и большинством Калужского горкома РКП (б) зрела давно. Виталин принимал решения, не советуясь с парторганизацией, официальная пресса восхваляла его лично, Виталин и сам любил выступать, отличаясь, по словам калужских коммунистов, «внешней сногшибательностью» [2, с. 127]. Повод для атаки на амбициозного лидера Калужской советской республики дал его визит в Свято-Тихоновский монастырь для конфискации ценностей. 24 апреля собралось экстренное заседание горкома, на котором была изложена следующая версия событий. Прибыв в монастырь вечером 22 апреля, отряд во главе с Виталиным устроил повальный обыск, в ходе которого монахов раздевали, а красногвардейцы курили и ругались в храме, входили в алтарь. Обнаружив вино, Виталин раздал его своим бойцам и соратникам, часть из которых перепилась. Арестованных игумена и казначея допрашивали в пьяном виде и грозили расстрелять. Горком принял постановление снять с постов и арестовать Витолина и участвовавших в этой экспедиции Фомина и Ассен-Аймера. 26 апреля всех троих вывели из Совнаркома, который возглавил П. Скорбач.

Выступая на Совнаркоме уже уездного Калужского Совета, комиссар монастыря Копылов добавил красок в картину: «виталинцы» заставили монахов зарезать для них кур, которые до этого были взяты на учет Советской властью. Виталин отождествлял себя с Советом, говоря о своих действиях «Совет решит», «Совет решил и скоро приступит». Пьяные красногвардейцы во главе с Ассеном-Аймером разъезжали на лошадях и палили из оружия. В результате уездный Совнарком вынес протест губернскому [2, с. 105–108].

Однако Московское областное бюро РКП (б) пыталось замять скандал. На собрании городской парторганизации его представитель настаивал на уничтожении документов, относящихся к конфликту. Большинство калужских коммунистов настаивали на удалении Витолина в другой город. Присланная из Москвы следственная комиссия осудила поведение участников экспедиции в Тихоновскую пустынь, но также обвинила калужских коммунистов в превышении полномочий – арестовывать Витолина и его товарищей они не имели права. Достаточно снять бедокуров с постов [2, с. 105, 111–112].

Но Виталин решил не сдаваться. Его сторонники сформировали новый губернский комитет РКП (б), который он возглавил 12 мая. Губком объявил дело о Тихоновской пустыни сущей клеветой, поскольку сам Виталин лично вина не пил. Большинство шесть против пяти «виталинцы» победили. Тогда

представители городского комитета демонстративно покинули это заседание. При этом «витолинцы» вышли из Калужской городской организации и образовали районную, хотя вскоре вынуждены были отказаться от этого хода. Снова собрались калужские коммунисты, снова критиковали Витолина за самоуправство и недисциплинированность. Но с поста председателя губкома свалить его не удалось. Разрешение конфликта снова было доверено Москве. Но ей было пока не до того. Предсовнаркома Скорбач не хотел сражаться с Витолиным и попросился в отпуск. Некоторое время Витолин продолжал руководить Калужской советской республикой (это название сохранялось до принятия Конституции РСФСР). Губисполкомом Калужской губернии, по выражению его противников, «распоясался вовсю». Но затем Витолин был отправлен на фронт, где работал редактором фронтовой газеты [2, с. 113–173].

Характерно, что эта свара происходила, когда у коммунистов начинала гореть под ногами земля – была введена продовольственная диктатура и начиналась широкомасштабная гражданская война.

Ход внутрисоветских конфликтов зимы-весны 1918 г. показывает, что в это время еще нельзя говорить о существовании коммунистического режима. Коммунисты преобладали в Советах и их руководящих органах, и группировались именно в них, а не вокруг централизованной партийной организации. Публичные государственные посты были в то время еще важнее партийных, но бросать прямой вызов коммунистической парторганизации было уже опасно. Шло укрепление коммунистической структуры, которая в условиях широкомасштабной Гражданской войны вскоре подмяла под себя Советы.

Подчинение Центру

Советская система выстраивалась с двух сторон. В Петрограде создавался центральный аппарат Совнаркома и ВЦИК. На местах творчество масс формировало практику самоорганизации части рабочих и крестьян, поддерживающих Советскую власть. Ленин надеялся, что затем удастся соединить результаты творчества низового актива и центра. Но когда весной 1918 г., освободившись от других срочных дел, он и его соратники занялись этим соединением, выяснилось, что его очень трудно достичь. У центральных и региональных советских работников формировались разные практики и даже психологические установки (подробнее см.: [23, с. 108–167]).

Отсутствие ясного разделения сфер компетенции и отлаженной координации работы Советов способствовали нарастанию социально-экономического, прежде всего продовольственного кризиса. Нужно было срочно «достраивать» систему снабжения городов продовольствием, устранив ее хаотичность. Это можно было сделать двумя путями. Либо устанавливая общие правила

доступа к продукции предприятий регионов, в ней нуждающихся: с помощью кооперативов или регулируемой государством деятельности посреднических организаций и индивидуальных торговцев; либо путем жесткой централизации продовольственного дела проводить изъятие продукции у крестьян в пользу государства с последующим распределением по всей стране. Нетрудно заметить – и это потом подтвердит практика – что второй путь менее эффективен, ведь потоки продовольствия в этом случае должны управляться чиновниками, удаленными от мест заготовки на сотни и тысячи верст. Даже небольшое перемещение груза должно санкционироваться в Москве. Зато исчезают материальные стимулы для крестьян расставаться с продовольствием. Но этот путь был проще и не требовал компромиссов со специалистами, торговцами и верхами деревни.

13 мая 1918 г. был обнародован декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», известный как Декрет о продовольственной диктатуре. Наркомпрод получал диктаторские полномочия в этой области в отношении аппарата Советов, что стало началом подчинения аппарата Советов Центру и в других областях. Советская демократия агонизировала.

Новая система диктаторского управления хозяйством из Центра была несовместима с советским регионализмом. 20 мая Московский областной Совнарком был ликвидирован.

27 мая был принят декрет «О реорганизации Наркомпрода и его местных органов», в соответствии с которым местные продовольственные органы Советов теперь подчинялись наркому продовольствия (Наркомпроду) А. Цюрупе. Это было только начало реорганизации Советской власти, в ходе которого отделы местных Советов переходили под контроль центральных органов и наркоматов. Советы, а точнее их руководство, сохраняли роль координаторов проведения политики Совнаркома на местах и решения текущих вопросов городской жизни. В условиях жесткой централизации власти текущее руководство на местах осуществляли президиумы Советов. Забот было невпроворот – обстановка в стране была экстремальная из-за войны, разрушения привычного уклада, эпидемий холеры, тифа и испанки. Поскольку негосударственные институты подавлялись, нужно было всем руководить в ручном режиме.

В июле-августе, например, Президиум Благуше-Лефортовского райсовета выбивал в Моссовете разрешение на временную ежедневную торговлю на Преображенской площади, занимался установкой на улицах кипятильников по случаю холеры, реквизицией торгового имущества Кутипина, организацией на архиерейской даче молочной фермы, а в доме Варнавского общества – клуба «Заря новой жизни» и детской школы. Но соломоновым решением постановили, что церковь будет сохранена. Райсовет открыл три школы для

взрослых, принял план заготовок овощей на собственных огородах. Ремонт покрытия бань поручили технически-строительному отделу райсовета [18, л. 1–10].

Такова была картина московской жизни в середине 1918 г. – смесь революционных перемен и житейского прагматизма. Как бы ни менялись государственные формы и социальные структуры, нужно было поддерживать инфраструктуру жизни. Тем более что вместе с неустроенностью и военными бедствиями на страну надвигались холера, тиф и испанка.

В деревнях многие волостные Советы поддерживали требования крестьян о свободной торговле и прекращении произвола властей, например Девятинский волостной Совет Вытегорского уезда. Требования оказались популярными и в окрестных волостях. 4 июня крестьяне собрались в Вытегре для обсуждения девятинских требований, и этот сход закончился столкновениями с красноармейцами. В итоге был распущен и Вытегорский городской Совет, часть депутатов которого не одобряла действия властей, допустивших кровопролитие [25, с. 49–51].

Проводились разгоны волостных и уездных Советов и съездов Советов, если большинство в них стояло на платформе Учредительного собрания или не поддерживало Советскую власть. Так, например, 5 июня Нолинский уездный съезд Советов Вятской губернии принял резолюцию о ликвидации власти Советов и восстановлении власти земских органов в уезде. В ответ из Вятки последовало указание: «В случае вынесения резолюции против Советов немедленно арестовать президиум и доставить в Вятку для предания суду революционного трибунала. Съезд распустить». Место проведения съезда было окружено красной гвардией, лидеры антисоветчиков арестованы, просьбы об их освобождении проигнорированы. Тогда из Нолинского исполкома ушли левые эсеры и беспартийные [15, с. 30–31]. Вскоре нолинцы перейдут к вооруженному сопротивлению Советской власти.

Согласно декрету ВЦИК и СНК «Об организации и снабжении деревенской бедноты» от 11 июня, местные Советы учреждали волостные и сельские комитеты деревенской бедноты. В их задачу входило распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, а также содействие местным продовольственным органам в проведении реквизиций у зажиточных крестьян. Со временем деятельность комбедов значительно расширилась, в сферу их полномочий стали входить, например, набор в Красную Армию, перераспределение земли между крестьянами, «очищение» Советов от «классово чуждых элементов». Часто комбеды полностью подменяли Советы. В дальнейшем сельские Советы были реорганизованы путем слияния просоветских крестьянских депутатов и комбедов.

Избиратели привыкли к избираемости власти и только на этом основании считали ее своей. Отказ от перевыборов вел к конфликтам. Об одном из них,

произошедшем в конце 1918 г., повествует жалоба жителей Семёновской волости Демянского уезда Новгородской губернии на своего председателя волостного Совета: «Народ всей волости вскричал, что нужно переизбрать состав волостного Совета, так как ему истек срок и подлежит вновь переизбранию, а прежде всего нужно переизбрать председателя. И его народ немедленно просил оставить свой пост. Председатель же, выйдя в коридор помещения, занимаемого Советом, с револьвером в руке, и закричал народу таким тоном, что умру я, но не сойду с занимаемой мной должности. Тогда народ еще сильнее закричал: “Долой председателя!”, он в это время почему-то из коридора стал стрелять в публику...» [25, с. 155].

10 июля 1918 г., после разгрома ПЛСР, на V съезде Советов была принята Конституция РСФСР, в соответствии с которой региональные Совнаркомы ликвидировались или преобразовывались в губисполкомы. Местные Советы по ст. 61 получали права и обязанности: «проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти» и разрешение вопросов, имеющих «чисто местное» значение, т.е. таких, до регулирования и управления которыми руки у центральных органов не дошли. Им вменялось также в обязанность объединять всю советскую деятельность на данной территории и поднимать территорию в хозяйственном и культурном отношении (очевидно также проводя решения центральных органов).

Но, выстраивая вертикаль власти, заменяющую своевольные Советы, руководство РКП (б) не могло пока опереться на структуру собственной партии, которая для того и строилась как строго централизованная. Но именно весной 1918 г. партия оказалась дезорганизована, о чем ЦК откровенно сообщил парторганизациям в письмах 22 и 29 мая: «В силу ухода массы ответственных партийных работников в деятельность советскую... благодаря наплыву в эту партию широких масс, недавно лишь в нее вошедших, стройность и дисциплинированность наших организаций сильно нарушена» [11, с. 73]. По мере ликвидации внутрисоветской оппозиции и подчинения местных Советов центру власть перетекала в коммунистические ячейки. Сеть этих ячеек росла, в них перетекали кадры как идейно, так и карьерно мотивированные. Это было необходимо, чтобы продублировать коммунистическими организациями сеть Советов и выстроить систему руководства ими со стороны коммунистических организаций.

Окрепнув к концу года, коммунистические парторганизации монополизировали ответственные посты, запретив назначать на них как представителей других советских партий, так и беспартийных.

Таким образом, в 1917–1918 гг. Советы прошли путь от органов самоорганизации трудящихся, в которых лидеры находятся под контролем делегатов от заводов, поселений и воинских частей до политически монолитных подразделений централизованной партийно-государственной иерархии. Советы

и после этого продолжали нести на себе нагрузку текущего управления на местах, но они уже не имели и не могли иметь самостоятельного политического значения, так как стратегические и ключевые кадровые решения перешли в ведение партийных структур.

Библиография

1. Андреев А.М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М.: Наука, 1983. 333 с.
2. Берговская И.Н., Филимонов В.Я. Калужская советская республика: История в документах. Калуга: Золотая аллея, 2012. 176 с.
3. Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. СПб.: СПбГУ, 2005. 219 с.
4. Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. 698 с.
5. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: в 2 т. Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 2: Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. – март 1918 г.). 1096 с.
6. Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.). М.: Новый хронограф, 2015. 543 с.
7. Минц И.И. Год 1918-й. М.: Наука, 1982. 576 с.
8. Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Документы и материалы: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: Июль 1917 г. – май 1918 г. 862 с.
9. Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Документы и материалы: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2. Ч. 2: Июль–октябрь 1918 г. 1182 с.
10. Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. 461 с.
11. Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) – РКП (б) с местными партийными организациями: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1967. Т. 3: Март–июль 1918 г. 448 с.
12. Подболотов П.А., Спиринов Л.Н. Крах меньшевизма в Советской России. Л.: Лениздат, 1988. 246 с.
13. Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XX; Новый хронограф, 2007. 622 с.
14. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 654 с.
15. Романов Н.И. Борьба за власть. Нолинск: [б. и.], 2014. 103 с.
16. Соболев П.Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М.: Наука, 1977. 320 с.
17. Спиринов Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1968. 438 с.
18. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-2630. Оп. 1. Д. 1.
19. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-2630. Оп. 4. Введение к описи.
20. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 2446. Оп. 1. Д. 49.
21. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 4619. Оп. 2. Д. 75.

22. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 6897. Оп. 1. Д. 12.
23. Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб.: Питер, 2017. 447 с.
24. Юрьев А.И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М.: Кучково поле, 2011. 333 с.
25. Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 167 с.

References

- Andreev A.M. Mestnye Sovety i organy burzhuznoj vlasti (1917 g.). Moscow: Nauka, 1983. 333 p.
- Bergovskaya I.N., Filimonov V.Ya. Kaluzhskaya sovetskaya respublika: Istorija v dokumentakh. Kaluga: Zolotaya alleya, 2012. 176 p.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGAM). F. R-2630. Op. 1. D. 1.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy (CGAM). F. R-2630. Op. 4. Vvedenie k opisi.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO). F. 2446. Op. 1. D. 49.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO). F. 4619. Op. 2. D. 75.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO). F. 6897. Op. 1. D. 12.
- Dekrety Sovetskoj vlasti: v 18 t. Moscow: Gospolitizdat, 1959. T. 2: 17 marta – 10 iyulya 1918. 698 p.
- Gogolevskij A.V. Revolyuciya i psikhologiya. Politicheskie nastroeniya rabochikh Petrograda v usloviyakh bol'shevistskoj monopolii na vlast'. 1918–1920. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2005. 219 p.
- Mandel' D. Petrogradskie rabochie v revolyuciyakh 1917 goda (fevral' 1917 – iyun' 1918). Moscow: Novyj khronograf, 2015. 543 p.
- Minc I.I. God 1918. Moscow: Nauka, 1982. 576 p.
- Partiya levykh socialistov-revolucionerov (internaciiolistov). Dokumenty i materialy: 3 vol. Moscow: ROSSPEHN, 2000. Vol. 1: Iyul' 1917 – maj 1918. 862 p.
- Partiya levykh socialistov-revolucionerov (internaciiolistov). Dokumenty i materialy: 3 vol. Moscow: ROSSPEHN, 2015. Vol. 2. Is. 2: Iyul'–oktyabr' 1918. 1182 p.
- Perepiska Sekretariata CK RSDRP (b) – RKP (b) s mestnymi partijnymi organizacijami: 3 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1967. Vol. 3: Mart–iyul' 1918. XXII, 448 p.
- Piterskie rabochie i diktatura proletariata. Oktyabr' 1917–1929. Ehkonomicheskie konflikty i politicheskij protest. Sbornik dokumentov. St. Petersburg: Russko-baltijskij informacionnyj centr BLIC, 2000. 461 p.
- Podbolotov P.A., Spirin L.N. Krakh men'shevizma v Sovetskoj Rossii. Leningrad: Lenizdat, 1988. 246 p.
- Rabinovich A. Bol'sheviki u vlasti. Pervyj god sovetskoj ehpokhi v Petrograde. Moscow: AIRO-XX: Novyj khronograf, 2007. 622 p.
- Rabochee oppozicionnoe dvizhenie v bol'shevistskoj Rossii. 1918 g. Sobraniya upolnomochennykh fabrik i zavodov. Dokumenty i materialy. Moscow: ROSSPEHN, 2006. 654 p.
- Romanov N.I. Bor'ba za vlast'. Nolinsk: [no pub.], 2014. 103 p.
- Shubin A.V. Start Strany Sovetov. Revolyuciya. Oktyabr' 1917 – mart 1918. St. Petersburg: Piter, 2017. 447 p.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Sobolev P.N. Uprochenie soyuza rabochikh i krest'yan v pervyj god proletarskoj diktatury. Moscow: Nauka, 1977. 320 p.

Spirin L.M. Klassy i partii v Grazhdanskoj vojne v Rossii (1917–1920 gg.). Moscow: Mysl', 1968. 438 p.

Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya v Belorussii: 2 vol. Minsk: Gosizdat BSSR, 1957. Vol. 2: Pobeda socialisticheskoy revolyucii i uprochenie Sovetskoj vlasti v Belorussii. (Oktyabr' 1917 – mart 1918). 1096 p.

Yarov S.V. Krest'yanin kak politik. Krest'yanstvo Severo-Zapada Rossii v 1918–1919: politicheskoe myshlenie i massovyj protest. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1999. 167 p.

Yur'ev A.I. Ehsery na istoricheskom perelome (1917–1918). Moscow: Kuchkovo pole, 2011. 333 p.